

Танси Чэнь вернулся в свою комнату в Управлении Чжэньян и только тогда почувствовал, что что-то не так. Эй! А где его щенок?

Он поспешно снял серьгу и отключил защитный барьер. В голосе невидимого собеседника сквозило неприкрытое чувство вины:

— А-Янь...

...

— Малыш, братец был неправ. Ну ответь мне, пожалуйста, мне же грустно.

Молодой небесный мастер выглядел обиженным: щенок совсем от рук отбился, даже не хочет разговаривать.

Лу Янь на самом деле не сердился, но очень за него переживал. Танси Чэнь, конечно, силен, но теперь, когда у него нет защиты в виде золотого света заслуг из прошлой жизни, всё стало иначе. Лу Янь выплыл из серьги и обвился вокруг его руки:

— Братец, я очень волнуюсь за тебя. Когда я тебя не вижу, мне становится страшно.

— Больше такого не повторится.

Танси Чэнь слегка сжал облачко тумана, но почувствовал нечто необычное. Его пальцы буквально погрузились в прохладную дымку. Он радостно поднял руки, словно держал что-то осязаемое:

— А-Янь, я тебя чувствую!

Глаза молодого небесного мастера мгновенно покраснели. Он прижал туманный сгусток к щеке и потерся о него:

— Я правда тебя коснулся... Я могу ощутить своего А-Яня, правда могу...

Он смотрел на крошечные золотистые искры на кончиках своих пальцев. Золотой свет заслуг действительно может помочь А-Яню восстановиться. Они его не обманули, это действительно работает...

Лу Янь почувствовал его тепло, и его душа замерла:

— Да! Я тоже чувствую тебя. Братец, не плачь, братец...

В следующую секунду всё изменилось.

— Братец!

— Я здесь.

Танси Чэнь, обнаружив, что туман теперь можно осязать, принялся мять его в ладонях, придавая форму щенка. Глаза его всё еще были красными от слез, но он уже вовсю дразнился:

— Какой же ты милый, А-Янь.

Лу Янь вздохнул. Хорошо, что он не чувствовал физического воздействия, и лишь беспомощно произнес:

— Братец, ты еще хвост не сформировал.

— Ха-ха-ха, это слишком мило.

Танси Чэнь потряс лапку туманного щенка, а Лу Янь снова вздохнул:

— Братец, пора поесть.

Утром братец купил на первом этаже только одну булочку и помчался спасать людей, наверняка он голоден.

— Знаю, знаю. Сейчас спущусь и поем.

Он потыкал маленькие ушки щенка и радостно добавил:

— Празднуем! Мой щенок материализовался на 0,1 процента. Съем за это две порции.

Он довольно посадил туманного черного щенка себе на плечо и собрался вниз, но Лу Янь вдруг почувствовал сильную усталость:

— Братец, кажется, я смогу продержаться лишь недолго.

Танси Чэнь замер, поднес его к губам и поцеловал:

— Ничего страшного, всё наладится.

— Угу...

Лу Янь потерялся о него, но тут же осязание исчезло. Он снова стал лишь бесплотным наблюдателем. Не успел он утешить Танси Чэня, как тот заворчал:

— Эх, щенок пробыл со мной совсем немного. Знал бы, что так выйдет, слепил бы кого-нибудь другого.

— И кого же ты хотел слепить, братец?

— Маленького волчонка. Наверняка тоже был бы милым.

На самом деле он думал: слепить миниатюрного маленького Лу Яня — вот это было бы мило.

— Я буду усердно тренироваться, и тогда позволю братцу себя слепить.

Лу Янь вернулся в серьгу и начал медитировать. Способ тренировки Танси Чэнь выбил из своего непутевого учителя. Старик долго возился, утверждая, что подготовил всё специально для него. Лу Янь не стал расспрашивать — раз братец сказал, что всё в порядке, значит, так оно и есть.

—

Спустя неделю Танси Чэнь уже освоился и подружился с Бай Сюнем. Директором Управления Чжэньян был отец Бай Сюня. За всё это время Танси Чэнь не видел других людей: кроме болтливового деревянного марионеточного человечка и надежного Бай Сюня, который прикрывал тылы, здесь никого не было.

Закончив медитацию в своей комнате, Танси Чэнь открыл глаза и увидел, что облачко тумана, обвивающее его запястье, стало чуть больше.

— А-Янь.

— Братец, я здесь.

Лу Янь подплыл и потерся о его щеку:

— Братец, тебе пора поесть.

— Щенок, ты что, будильник? — Танси Чэнь с досадой отмахнулся от туманного сгустка.

Лу Янь снова прильнул к нему, сохраняя серьезный тон:

— Если не поесть, заболит желудок, я буду очень волноваться, братец.

— Ладно, ладно. Ну и зануда же ты, подумаешь, немного опоздал.

Танси Чэнь ткнул его пальцем и привычно отправил сообщение Бай Сюню:

— Сегодня хочу мапо тофу и свиные ребрышки в кисло-сладком соусе.

— Будет сделано, господин. Уже иду.

Бай Сюнь ответил мгновенно. В последнее время, помимо лечения своих ран, он только и делал, что готовил для этого господина.

Шутка ли — один талисман в месяц! Это же двадцать тысяч, если пересчитать. А если перепродать эти талисманы богачам, можно сбыть каждый по пятьдесят тысяч, хе-хе. В их профессии денег проходит много, но удержать их невозможно: девяносто пять процентов дохода нужно жертвовать, и только пять процентов остаются им. Поэтому они действительно бедные.

...

— Мой отец хочет пригласить тебя вступить в Управление Чжэнъян. Что скажешь? — спросил Бай Сюнь, расставляя контейнеры с едой.

Танси Чэнь взял миску и кивнул:

— Вступить-то можно, но я не буду подчиняться чьим-либо приказам.

В этой жизни он не потерпит никаких ограничений.

— Братец, не ешь острое.

— Угу, хорошо.

Он послушно выловил кусочки перца, прежде чем начать есть.

Услышав этот голос, Бай Сюнь невольно поморщился. Он огляделся — призрака нигде не было. Да, именно этот голос заставлял его готовить для этого парня. Кто бы мог подумать: он, сидя в инвалидном кресле, по приказу призрака готовил еду для его предка. Эх.

Он украдкой вздохнул. Должно быть, он совсем никчемный, раз не видит его. Впрочем, этот призрак был очень тихим: кроме как поучать Танси Чэня, он ни с кем не разговаривал.

Бай Сюнь вернулся к теме:

— В Управлении Чжэнъян нет никаких ограничений. Единственное требование — не творить зла.

— Не волнуйся, я... я человек железных принципов, — ответил Танси Чэнь, элегантно поглощая обед.

— Но несколько дней назад ты позволил призраку убить человека... Это не очень похоже на поступок человека железных принципов, — заметил Бай Сюнь. Хотя сам он в душе его поддерживал, но если каждый будет так поступать, не превратится ли всё в бесконечное возмездие? Когда же наступит конец этой череде взаимной мести? Если каждый начнет вершить самосуд, законы станут просто декорацией.

— Тогда я не вступлю, — Танси Чэнь отхлебнул куриный суп и, не поднимая головы, добавил: — Несправедливо, когда те, кто заслужил смерть, остаются жить. Такое терпеть я не стану. Не вступлю к вам — буду как те шарлатаны на улице торговать талисманами. Я достаточно силен, везде прокормлюсь.

Он нахмурился:

— И еще насчет того, чтобы не творить зла. Если бы я в тот день просто провел обряд очищения и позволил той нечисти жить дальше — было бы это добрым делом для их жертв или для тех, кто мог пострадать в будущем? Ты можешь гарантировать, что новых жертв не будет?

— Ты прав. Ладно, не будем спорить. Добавить тебя в наш общий чат? — Бай Сюнь не стал возражать. Он и сам считал, что Танси Чэнь прав, просто те старые дядьки всё зудели, заставляя его провести беседу. Ха, больше я им талисманы продавать не буду. Умеют только поучать, а если такие умные — пусть сами попробуют поучить его!

— Хорошо, — кивнул Танси Чэнь. Ему очень нужны были заслуги. — А я-то думал, у вас тут сплошная идиллия. По крайней мере, не ожидал такой ограниченности. Не думал, что здесь процветают подобные предрассудки.

Он доел, встал и подошел к панорамному окну, глядя на поток машин внизу. Как же это всё противоречиво.

— Потому что здесь есть люди.

Пока есть люди, везде будет одно и то же.

— И то верно.

<http://bllate.org/book/22283/2333109>